

К вопросу об исторических представлениях Курбского

К.Ю. Ерусалимский

Воззрения князя А.М. Курбского на историю и задачи исторических сочинений давно привлекают пристальное внимание исследователей. Особый интерес вызывает «История о великом князе Московском» (ИВКМ), его самое значительное по объему и содержанию авторское произведение. Жанровое определение этого труда, его соотнесение с историографической традицией вызывает множество трудностей: его характеризуют нечеткость повествовательных принципов, переходы от одного способа передачи материала к другому. Поэтому так неубедительно в целом выглядят попытки вписать ИВКМ в систематические классификации и так велики колебания ученых в отношении методических приемов исследования текста¹. В настоящей работе я обращусь к вопросу об исторических взглядах Курбского.

В пушкинскую эпоху, благодаря работам и замечаниям М.М. Щербатова, Евгения Болховитинова, Н.П. Румянцева² утвердилось восприятие этого сочинения как летописи. Н.М. Карамзин был едва ли не первым, кто открыл «анекдотическую», не в ущерб достоверности, сторону записок князя Андрея³. Скептические замечания Н.С. Арцыбашева в адрес IX тома «Истории Государства Российского» положили начало долгой полемики о тенденциозности ИВКМ⁴; озлобление, желчность государева изменника отмечались В.Ф. Тимковским и А.С. Пушкиным⁵.

Представление о правдивом обличителе тирании потребовало уточнений. Только на время оно было подкреплено аргументами Н.Г. Устрялова, который представил трактат у истоков прагматического историописания: «Курбский постиг тайну исторического искусства, коего образцы имел без сомнения пред глазами, и оставил обыкновенную стезю русских летописцев»⁶. «Новая школа» в лице С.М. Соловьева, К.Д. Кавелина, С. Горского, К.Н. Бестужева-Рюмина, Е.А. Белова опирается на открытые Н.Д. Иванишевым акты о жизни и деятельности Курбского в Речи Посполитой, акцент переносится на мемуарное, общественно-политическое значение ИВКМ. Соответственно, текст рассматривается как проекция автора, выражение его взглядов и антимонархических (или антигосударственных) чаяний⁷.

В ходе полемики с юридическим направлением критики либеральная историография отстаивает исходный тезис Н.Г. Устрялова о прагматизме трактата, о его высоком научном значении, достоверности и незначительной политической тенденциозности⁸.

Спор так и не привел к согласию или компромиссу. Высказывались пред-

положения о документальном и даже актовом характере ИВКМ, большое распространение получило мнение о публицистичности трактата, о его написании во время первого бескоролья с целью борьбы с кандидатурой Грозного на польский престол⁹. С.О. Шмидт высказал гипотезу о памфлете и ответном послании царю внутри прагматической исторической биографии¹⁰. К.А. Уваров развил мысль о тенденциозной, но «причинно-следственной» организации текста, написанного в жанре трагедии, и предложил терминологическое описание жанровой лексики трактата¹¹. И. Ауэрбах считает ИВКМ поздним произведением А.М. Курбского, подготовленным для Стефана Батория из карьерных соображений в качестве справочника потенциальных сторонников короля в Московии¹². С.А. Елисеев остановился на философском неоплатоническом подтексте ИВКМ¹³. Обратимся к воззрениям А.М. Курбского не на изложенные им события, а на способы повествования, на риторический аспект сочинительства. Плодотворным представляется изучить мировоззрение писателя, не ограничиваясь пониманием его исторической «концепции».

Наиболее основательным исследованием исторического самосознания Курбского является статья Д. Фрайданка, посвященная античной (и библейской) семантике понятий «история», «повесть», «Кроника» у князя Андрея. Автор доказывает, что словоупотребление свидетельствует об изменении в теории историографии: Курбский отходит от традиционного отождествления понятия «история» с некоторыми книгами Ветхого Завета и с летописанием, пишет первое в России «сознательно прагматическое историческое сочинение», делает отступления в тексте для размышления о своей работе¹⁴.

В античной теории историографии, известной Курбскому отрывочно и в связи с теорией риторики, понятие *historia* связывалось с представлением о современности автора описываемым событиям, с изучением внутреннего развития событий и причинно-следственных связей.

Как и другие формы *narratio*, *historia*, согласно Квинтилиану, Лукиану, Цицерону, должна отличаться тщательной риторической проработкой (*pura et illustri, brevis, aperta, dilucida, probabilis, veri similes*). Курбский осознанно в «Истории» соблюдает все эти требования, пользуется характерным для античности топосом «пользы» (*utilitas*), но в отличие от Плутарха, не делает различия между *historia* и *vita*¹⁵, а понятие «повесть» (употребляется 8 раз)¹⁶ относит к отдельным частям текста. Более обширное (но стилистически – с установкой на краткость) повествование – «история» (10 раз вместе с заголовком)¹⁷, которая не равнозначна «кронице» (5 раз)¹⁸, так как последняя – это структурный элемент (начало) текста, стилистически близкий к *anapalaum*. Последние части не получили обобщающего названия, хотя по стилю близки к агиографии. Эти замечания, как и вывод о четком членении «Истории» на отдельные повествования¹⁹, вызывают у нас особый интерес и требуют специальной проверки.

Вслед за Д. Фрайданком, не зная об исследовании предшественника,

жанру «Истории» посвятил часть своей диссертации К.А. Уваров. Советский филолог рассмотрел широкий спектр определений этого сочинения как источника: «остро полемический труд», «памфлет», «трактат», «мемуары», «акт», «памятник историографии», – и предложил свое. Согласно К.А. Уварову, перед нами произведение историка, который ищет (хотя «достаточно тенденциозно») причинно-следственные связи, а не просто фиксирует события. Жанровая рефлексия чаще всего встречается в конце описания отдельного эпизода: Курбский подчеркивает принцип «краткости» и этим объясняет переход к новой теме. В узком смысле «история» означает «синодик новоизбиенных мучеников» и завершается «плачем» о смерти Воротынского и Одоевского. Слово «повесть» соотносится в «Истории» со сказанием о Казанском взятии, воспоминаниями о Лифляндской войне и житием Феодорита, которое исследователь определяет переходным жанром от жития к исторической биографии. Самым показательным представляется автору знакомство Курбского с учением Аристотеля и его рассуждениями о трагедии как «игре плачевной», в которой радостные события сменяются «многими бедами и скорбями»²⁰. Таким образом, «История» может быть признана трагедией: «пресветлый» царь в начале своего правления превращается в конце в жестокого «древнего змия» и гонителя «избранных».

Д. Фрайданк выступил с критикой и повторил свой основной тезис, что речь идет о новом для России понимании истории (восходящем к античной историософии, латинским историкам и греческой патристике), а понятие «трагедия» вовсе не исчерпывает жанровых особенностей текста. Скорее, и здесь автор приближается к выводам Д.С. Лихачева, перед нами антиагиографическое сочинение²¹. Концепции К.А. Уварова и Д. Фрайданка можно считать взаимодополняющими: с разных точек зрения оба автора отстаивают прагматический характер «Истории».

Как и в мартирологах, в «кронице» встречаются противоречия, требующие детального объяснения. В первой части «Истории» Курбский называет свою работу повестью, книгой (в широком смысле, видимо, близком к понятию «текст»)²², историйкой, историей²³. Автор сознательно отказывается от «широты» летописания и стремится к эпизодичности, краткостью, которые позволяют сделать повествование сконцентрированным, не сколько раз поменять жанры и в течение долгого времени дополнять текст. Вопрос об историографической природе ИВКМ, таким образом, не может сводиться к тому, как определить целое трактата, а включает такие сюжеты, как соотношение целого со своими частями, суждения Курбского об истории в других своих работах и об исторических сочинениях других авторов, философская насыщенность ИВКМ.

Употребление понятия «история» нельзя считать однозначным. Д. Фрайданк блестяще показал, как изменилось понимание Курбским эпистографии вместе с переходом в употреблении от слова «писание» к полонизму «лист» и насыщенному святоотеческой семантикой понятию «еписто-

лия». Такой переход означал «обострение жанрового сознания (eine Scharfung des Genrebewusstseins)»²⁴. Я полагаю, есть основания допустить эволюцию представлений Курбского и об истории.

Недостаточно проясняет исторические представления князя само использование им термина «история». Статистика должна уступить место содержательному анализу контекстов, в которых употребляется слово. ИВКМ составлялась как книга или «книжица», как сочинение, основанное на разновременных подготовительных материалах. В ее составе можно встретить как понимание общей повествовательной задачи автора, так и изложение частных целей, относящихся только к отдельным отрывкам. В некоторых случаях трудно установить, какой именно объем текста подразумевается. Сомнительно, чтобы в казанской повести, сравнивая свое изложение (краткую историю) с летописной книгой²⁵, автор намекал на свою «Историю».

Интенции автора при изучении им московской политики дискутируются в связи с датированием трактата. Предвещая мучителям «день нелического праведного суда христового» в предисловии к «Новому Маргариту», Курбский ссылается на то, что «иньших же злых еже слышах и видех, на целую книгу не исписал бых»²⁶. В ИВКМ при завершении хроники автор вспоминает свои слова: «понеже аз, еще во среду беды тое презелные, отоидох ото отечества моего; а уже и тогда виденного и слышанного о таковых злостях и гонениях не мог бы на целу книгу написати»²⁷. Далее следует ссылка на начало «Нового Маргарита». Князь, составляя «Историю», не стремился писать «целую книгу», поскольку это противоречило его жанровым представлениям (стремлению писать «нечто отчасти», «мало нечто»). Казалось бы, ИВКМ и была той самой книгой, о которой, как о чем-то едва реальном, писал А.М. Курбский в предисловии. Но завершая мартиролог «о боярских и шляхтеских родех», он дает понять, что и это еще не книга, а всех «благородных в родех и в книгу пишучи, не вместил бы»²⁸. В «Новом Маргарите» делался намек на то, что изложить «все» автор не мог бы, если бы и захотел, и подобное замечание читаем в гл. 32 «Нового Маргарита»: «ибо всей исправити невозможно, понеже учашу мне времени не достало бы, Ани свет (мир) мною вместити книги кои писаны суть»²⁹. Еще в середине 1570-х гг., при завершении 2-го послания царю, князь сохранил без изменения слова о том, что, отвечая на I ПГ, хотел «на каждое слово» отписать, но удержал руку «со тростию»³⁰. В ИВКМ повторяется, что труд не пишется «по ряду»³¹. Поэтому сомнительно, как делает И. Ауэрбах, считать обе перекликающиеся цитаты свидетельством того, что ни в 1564, ни около 1572 г. (ни около 1575 г., если принять датировку предисловия, обоснованную В.В. Калугиным) труд о «великом князе Московском» «еще не планировался»³². Предисловие, а также глоссы к «Новому Маргариту» содержат эсхатологические предсказания, филиппики в адрес бесчеловечного и незаконного царя-дракона и ласкателей, идею огненного возмездия за пожар лютости, упреки в

побиении «единоколенных» Курбского и всенародства. Даже если глоссы о митрополите Филиппе и избранных советниках Сильвестре и Алексее Адашеве³³ – поздние конспекты текстов ИВКМ, приписанных на полях книги, смысловых и текстуальных совпадений достаточно, чтобы рассматривать вопрос о текстах в окружении «Нового Маргарита» как определенном этапе созревания «Истории».

«Краткая повесть» не претендует на то, чтобы излагать события «по ряду», то есть последовательно и с излишней полнотой раскрывая причины («вины») деяний. Не следует переоценивать риторического самоограничения Курбского. Много умалчивается, но больше сообщаемого читатель сможет найти разве что в «животных книгах»³⁴ на небесах, где и «и власы на главах наших изочтени суть»³⁵. А.М. Курбский не сдерживает себя от пространного изложения: сколько бы он ни рассказал, текст будет лишь малой частью уже написанного, но не доступного для прочтения. Он составляет случайные (доступные памяти) выписки и работает с полной уверенностью в том, что для каждого читателя и героя, для самого автора грядет возможность проверить оценки и суждения. Принципы, по которым он отбирает интересное и вырезает лишнее, не подчиняются каким-то строгим литературным канонам. В тех случаях, когда он знает на много больше, чем рассказывает, и это достойно упоминания, проще предположить нежелание отступать от основной истории ради повести, которая увела бы в сторону или привела бы к появлению рассказа в рассказе³⁶.

Исследовательские качества трактата принципиально отличают его от плодов исторического мышления Нового времени: рациональные причины не ищутся автором, они ему были известны еще задолго до составления книжицы, когда в ответ на вопросы светлых мужей ему приходилось молчать «со въздыханием и слезами»³⁷. И поэтому подбор повестей скорее можно было бы назвать «прагматичным», подчиненным общему плану изложения. Едва ли такое определение помогло бы понять сложный творческий замысел, скрытый за пестрой, «монструозной» архитектурой, в которой труднее всего с надежной точностью определить одну общую цель.

Сочинение исторического произведения ассоциировалось с комплексом требований и предписаний, и мы в праве задаться вопросом, насколько ближайшие доступные князю Андрею подобные опыты отразились на его восприятии задачи в целом. Характерная особенность хроники как литературного жанра указана Курбским в переводе сочинения «О силлогизме» Иоганна Спангенберга: «Бо аще премудрых мужей хто книги препишет, аще ниво что же бывают, бо то не летописные книги, а бо кроники просте без гаданей (без тайного, сокровенного смысла³⁸) и без великих содержаней разума пишутся, а те не сице, но яко прилежнее читаючи их лепей разсмотрите»³⁹. Союз «або» может соединять в данном размышлении понятие «летописные книги» и пояснение к нему «кроники» (или сино-

нимическую конструкцию), но скорее образует дизъюнкцию.⁴⁰ Существующие примеры отождествления или синонимии двух «простых» жанров в глоссах А.М. Курбского к переводным сочинениям заслуживают особого внимания. В «Новом Маргарите» в своем вступительном сказе перед переводом Курбский ссылается на «кронику» Никифора Калиста Ксанфопула и говорит, что в ней «достаточнейше описуется (...) о множайших вещах, по временем и летам бываемым»⁴¹. То есть данный жанр приближается к летописному. В латинском источнике было, видимо, «ecclesiastica mhistiria», и перевод в канцелярии князя Ярославского не изменился в Син-219⁴². В «Богословии» глосса с почти идентичным истолкованием относится уже к истории: «глаголють убо иже церковную историю чиновне разложили (сиреч, по временам и летам, описали достаточне)»⁴³. Итак, хронист и историк одинаково занимаются достаточно пространством описанием вещей во времени.

В предисловии к переводу «богословия» Иоанна Дамаскина упоминается «книга, глаголемая кроника о новом свете (глосса: летописная о новом мире)»⁴⁴. В.В. Калугин убедительно обосновал гипотезу, согласно которой князь Андрей был знаком с «Хроникой всего света» Мартина Бельского⁴⁵, другой хронист упомянут уже в «Истории» — это автор «Записок о Московии» Сигизмунд Герберштейн⁴⁶. Хроникой, таким образом, Курбский называет обширные исторические трактаты, особенно иностранных авторов. Но есть труднообъяснимые предпочтения переводчиков из круга князя Андрея в определении других близких жанров.

В современной историографии, после работ В.М. Истрина, хрониками принято называть и труды греческих (а также западнославянских) историков и хронистов⁴⁷. Допустимо влияние сложившейся традиции и на волынских переводчиков второй половины XVI в. Заслуживает особого внимания вопрос об источниках взглядов князя Андрея или, по меньшей мере, о сложившихся московских особенностях толкования сложной темы соотношения хроники с другими типами повествования. Автор Московского летописного свода, перечислив под 6979 г. новгородские знамения, предвещающие войну с Москвой, оставил размышление, которое вполне могло быть известно придворному середине XVI в.: «Сицева бо знамена не бывають никогда на добро, но точию к гладу или к мору или къ кровопролитию и к пленению, яко же и в прежние времена, когда беху царие из родов Израильстии, пророци и прочии, прежь техъ и по них и до сего дни. И егда нечто явится в солнци или в луне знамение и в звездах и въ всем прочем от тварей еже несть по обычаю, и тогда вся тая въписоваху въ временныя книги, еже глаголются криница. По сем же паки в летописания въ дни коего будет царя или пророка глаголющее сице: в лета и во дни Давыда царя или Соломона и Исаия пророка или Езекея царя или Ахаза царя, бысть сие, или оно. Сиа же являхуса и в нынешнее времена, еже и очи наши видяху»⁴⁸. Хроника и летопись не идентичны. Разница между ними, прежде всего, в последовательности фиксирования происшествий.

Сначала оно заносится во временные книги. На следующем этапе осмысления знамения повествование расширяется. Таким образом, соотношение между ними примерно такое же, как у литературного сочинения и подготовительных материалов. А.М. Курбский мог придерживаться сходных представлений, но прямых указаний на то в его сочинениях мы не найдем. Будем лишь учитывать, что при написании исторических произведений использование черновиков, «списков черных»⁴⁹ подразумевалось, даже когда речь шла о непосредственном свидетельстве очевидца, излагающего происшествие *по памяти*.

В «Новом Маргарите» князь, похоже, не различал задачи историка и хрониста: «тоеже потом историк (примечание: хронист) назнаменовал»⁵⁰. Показательной является в этом смысле оценка Иосифа Флавия в 50-й главе книги: «Иосиф иудейский историк описует того времени, в неже разорен Ерусалим, то есть, от Веспасиана и Тита поведает, тысяща и осм сот тысячей единого дня поиманных. Зрите что глаголет, где толико плененных, колико обитателей было, колико умерших, коликих глад, коликих меч погубил; потом пишет история, колико злата было в церкви, колико сребра, колико бисеру, колико шелку, колико было ереев, колико писарей (книжников), и различные роды чинов»⁵¹. Можно заметить, что с историей в этом отрывке ассоциируется только фиксация количества. Правда, возможно и другое объяснение: «История Иудейской войны» для Курбского — хроника, несмотря на самоидентификацию ее автора. Как показывает В.В. Калугин, в агиографическом своде милянвического кружка исторические труды греческих писателей через синоним «памяти» отождествляются со «старыми летописными книгами»⁵². Летопись, как видим, вбирает в себя как элементы хроники, так и задачи истории. Иначе говоря, воспоминание одинаково присуще и той, и другой.

Для А.М. Курбского хроника — это крупный трактат, частями которого являются повести. В переводе «Богословия» Иоанна Дамаскина, «*historia*» переводится с латыни как «история» и как «повесть»⁵³. Переводы из книг 3 (гл. 5, 22 и 23) и 5 (гл. 16-18) обозначены как «новопереложенная повесть или гадание або пря, от кроиники истинныя древния Евсевия, архиепископа Кесарийского»⁵⁴, однако в Син-219 «От Евсевия Кесарийского церковнаго историка» (кн. 2, гл. 24) и «от Истории Евсевия...» (кн. 3, гл. 26)⁵⁵. Изменение названия в данном случае можно объяснить тем, что в своде использована калька с латинского источника, а в собрании своих трудов князь поместил название классика в свою систему координат. А в ней отсутствовало представление об истории как о способе изложения и форме сочинения, — скорее было понимание различия между иноземной хроникой и «русской» летописью, как трижды в ИВКМ именуется официальный московский свод⁵⁶. Если такого решения достаточно, то почему с «Церковной историей» Никифора Калиста не произошло чего-то подобного калькированию названия труда Евсевия? В качестве гипотезы, не претендующей на охват всего творчества А.М. Курбского, замечу, что

подобно было бы пред грубым и мирскими человеки»⁸³; он называет слушателя казанской эпопеи изнеженным воином⁸⁴, сетует на озлобленную западнорусскую публику⁸⁵, обращается к читателю «жития» Феодорита как к полуверу, лицемерному христианину, умягченному и изнеженному различными наслаждениями⁸⁶. Герои также делятся на разумных и льстецов, причем автор склонен представлять их в обозримой оппозиции: (Соломония Сабурова – Елена Глинская), избранная рада – великие гордые паны, мудрые воеводы и советники – царские шурья и другие ласкатели, Максим Грек – Вассиан Топорков. В ливонской эпопее самоуверенным вероотступникам немцам противопоставлен ландсмаршал Филипп, «словесства полон и остр разум и добру память имущь»⁸⁷. Крайние проявления отрицательной стороны в оппозициях – глупость, безумие и отступление с узкого пути духовного спасения. Глупость наполнила монарха перед судом над избранными советниками⁸⁸. Безумием царь погубил сына Дмитрия⁸⁹. Широкий путь разрушил царскую душу, страну изнутри и открыл границы для врагов креста⁹⁰. Ливония также наказана Господом посредством московитов за «невоздержание».⁹¹ Но опаснее соблазнительное правдолюбие лживых и корыстных речей, которые обращают к Иоанну ласкатели. Они взывают как будто к тому же разуму, что и добрые, правду советующие: «Ныне же, егда отогнал еси их, воистину образумился еси, сиречь во свои разум пришел»⁹². Назначение же меняется – убедить царя в богоизбранности и самовластии.

В каждом герое ИВКМ чувствуется соединение трех начал – божественного, интеллектуального и социального. Высшее проявление первого естества – ангелоподобие, блаженство, праведность, избранность для божественных видений, чудес, знамений, способность предсказывать будущее. Среди духовных лиц наибольшего восхваления заслуживают монахи, ведущие нестяжательный образ жизни, то есть полностью порвавшие с миром, и обличители неправедных царей. Смерть такого человека, каковы бы ни были показатели его разума и социального положения, делает его христианским мучеником. Но таковы и все несправедливо пострадавшие от жестокого монарха. «Чином» пониже можно считать человека, начитанного в Священных Писаниях, православных догматах и отличного богомольца. Добродетели разума заслуживают не меньшей похвалы А.М. Курбского. Обычно она звучит как «зело разумный»⁹³, «совершенный и нарочитый в разуме»⁹⁴. Интеллектуальная природа практически не отделяется от божественной, но она как бы раздваивается на умозрительную и духовную. Дар разума не требуется человеку, преуспевшему на пути духовного просветления. Но и сам по себе этот дар от первой природы, поэтому о кнн. В.Д. Куртляеве и А. Ярославове говорится, что они «воистину ангелом подобны жителством и разумом»⁹⁵.

Смысловое и идейное напряжение всего трактата приходится на своеобразную ораторскую дуэль между Максимом и Вассианом за душу Ивана IV. Старец посягает на святой обет, данный царем св. Кириллу, пока-

зывая, что ложное благочестие и «обеты таковые с разумом не согласуются»⁹⁶, «понеже Бог и святые его не по месту объятия молитвам нашим внимают, но по доброй воле нашей и по самовластию»⁹⁷. Разум духовный, добрую волю и самовластие в устах старца А.М. Курбский смело противопоставляет христианскому обету. Речь Максима Грека обрушивается на ложное благочестие, вменяет царю обязанность воздать за пострадавших в казанском походе и содержит угрозу о смерти царевича. Святой муж обладает даром провидения и прорицания, который подкрепляет его красноречие. Иное дело злобное лжесхищение (ложные сиковации, ласкательные глаголы)⁹⁸, лесть и подхалимство, которое «став на службу злокозненным вождениям, сеет смуту в государстве и приносит несчастья гражданам»⁹⁹. А.М. Курбский мог воспринять представление о воздействии лживой речи на политику не из римской теории риторики. Но его понимание близко к Цицеронианству. Речь направлена на достижение властного воздействия, убеждение, частную корысть, манипулирует слушателем. Если в ней отсутствует духовный силлогизм, «слогию або красочный обман, пустой или сатанинский силлогизм, «шепстух»¹⁰⁰. Царю нравится то, что говорит иосифлянин, и так сеются «шептательные пребеззаконные глаголы»¹⁰¹, «искра безбожная в сердце царя христианского»¹⁰², начинается падение прежде покаянной души, а вместе с ним и бедствия в стране. Искусно составленный эпизод «Кириллова езда» может восприниматься как удачная с точки зрения архитектоники выдумка автора, тем более, что в нем присутствуют смысловые шероховатости: вторая речь Максима обращена к царю по форме, но на деле «приказана» через четырех посредников, в числе которых и Курбский;¹⁰³ воевода якобы свидетель слов, нашептанных Иоанну «во ухо»¹⁰⁴. Эти детали не нарушают достоверности повести и, поскольку царь хотел услышать сказанное Вассианом, проливают свет на придворные трения после болезни Грозного.

Среди авторских определений своей работы в «Истории», слово «трагедия» употребляется трижды, если не считать глоссы с его определением из словаря А. Калепино во втором случае¹⁰⁵: в самом начале текста в повести о рождении лютоши (Иоанна) от законопреступного брака, в описании убийства кн. М.И. Воротынского и перед мартирологом Феодорита. Только в последнем, самом позднем по времени написания, отрывке так отзывается писатель обо всем своем тексте. Трактат и читается как сценическая «игра плачевная» с героями, хором (в лице автора), предпринимались даже попытки разделить его на классические пять действий. Обращение к царю в конце хроники наполнено тяжелой иронией: до казни Иоанн украшал гробы и позлащал раки жертв своим родителям и дедам – а кто будет так воздавать бесчисленным новым мученикам! И далее: «О воистину смеху достойно со многим плачем смешанным...»¹⁰⁶. ИВКМ в архитектонике, по мнению В.А. Панова, содержит элементы классической драмы¹⁰⁷.

Подведем некоторые итоги. История фигурирует в сочинениях и переводах Курбского в одном ряду в пространными повествовательными жанрами – летописью и хроникой, но является философским рассказом о событиях недавнего и ближайшего прошлого.

Прагматическая версия изучения ИВКМ переоценивает фактор целостности трактата в ущерб имманентным обоснованиям, свидетельствующим о краткости, неполноте, постепенном разрастании книги за счет новой информации и меняющихся творческих планов. Достоверность сведений привнесена автором не из области рационального исследовательского опыта. Упоминания «острозрительных» свидетелей и их показания в ином случае включали бы оценочные размышления с элементами критики или опытной проверки. Между тем, все подобные суждения либо оставляются за пределами повествования, либо входят как его сюжетные части с политическим подтекстом. В ИВКМ нет отвержения лжи как формы знания, ложь присутствует как часть действия и вызывает возмущение Курбского как активного участника событий. Это одно из существенных препятствий для восприятия постулируемой правдивости его сочинений в аналитическом ключе.

Стремление отстаивать правду, на земле и на Страшном Суде, сопровождается многие послания и трактаты князя. Перевод статьи Иоанна Спангенберга «О силлогизме» сделан был, в частности, и для того, чтобы «егда будут правды сопротивницы ложными тыми словы истину бурити (сокрушати), тогда бысте умели им сопротивлятися, и отвещающе обронити правду, и уста им заградити праведными оными силлогизмамн»¹⁰⁸. Как и послания, «История» ориентирована на живое слово, открытую полемику¹⁰⁹, в которой автор выступает скорее истцом, проповедником и апологетом, чем «объективным» историком. И это не мешает ему быть достоверным и ответственным.

Мне представляется, что трактат князя Андрея может служить источником для изучения исторических представлений автора и его современников, но это еще не делает *сам текст историографическим концептуальным нарративом*. Тщетны все поиски «исторической концепции» Курбского¹¹⁰. В «Истории» есть высказывания, позволяющие понимать сочинение, как (анти-) житие, хронику, краткий исторический очерк, памфлет или трагедию, как свидетельские показания, судебную речь, подготовленную, возможно, в том числе и для земного суда. Из этого следует не то, что писатель колебался в выборе подходящего жанра. Скорее его выбор пал на историю – отлично осознаваемый такой из них, который поддавался на самые неожиданные превращения.

¹ Далее не рассматривается вопрос об историографических особенностях восприятия «Истории» как источника, имеющий непосредственное отношение к построениям исследователей и их представлениям о источниковедческом статусе. В пунктирно намеченном мной развитие взглядов на историографические ка-

чества сочинений Курбского значение источниковедческих презумпций при этом весьма велико. Меняются способы изучения взглядов князя Андрея и в зависимости от того, применяются ли к его трактату операции, характерные для изучения летописных, эпистолярных, мемуарных, актовых, повествовательных или публицистических памятников. Но это отдельная тема.

- ² Щербатов М.М. История Российская от древнейших времен. СПб, 1789. Т. 5. Ч. 2. С. 12; Прим. 12; 87 Прим. 64; 93. Прим. 67; 96. Прим. 7 [Евгений Болховитинов] Курбский Андрей Михайлович // Сын Отечества. СПб, 1821. Ч. 68. № 14. Разд. 3. С. 314; Переписка государственного канцлера графа Н.П. Румянцева с московскими учеными // ОИДР. М., 1882. Кн. 1. С. 9, 19-20.
- ³ Сочинение Карамзина. СПб, 1848. Т. 1. (Полное собрание сочинение русских авторов. Изд. Александра Смирдина). С. 485-486; Карамзин Н.М. История Государства Российского. СПб, 1843. Кн. 3. Т. 9. Стб. 178-179; ср. там же. Примечания к 9 тому. Стб. 5-6.
- ⁴ [Ариыбашев Н.С.] О степени доверия к Истории, сочиненной князем Курбским // Вестник Европы. М., 1821. Ч. 118. № 12. С. 278-317
- ⁵ Тимковский В.Ф. Опыт исследования о жизни, подвигах и ученых трудах князя Курбского. Часть первая. Жизнь князя Курбского. 1816 // ОР РНБ. ОРСК.Ф. IV. № 821. [Постраничная пагинация]. С. 256-257, 253-254; Пушкин А.С. ПСС в 17 т. Изд. 2-е. М., 1996. Т. 11. С. 68, 340.
- ⁶ Устрялов Н.Г. Сказания князя Курбского. Изд. 2-е. СПб, 1842. С. XXI-XXX.
- ⁷ Соловьев С.М. Сочинение в 18-ти книгах. Кн. 19 дополнительная: Работы разных лет. М., 1996. С. 233-276; Кавелин К.Д. Собрание сочинений. Т. I: Монографии по русской истории. СПб, [1897.] Стб. 46-54, 92-94, 277-414, 409-411; Горский С. Жизнь и историческое значение князя Андрея Михайловича Курбского. Князь, 1856. С.12-14; Бестужев-Рюмин К.[Н.] Русская история. СПб,-1872. Т. 1. Введение. С. 52-53; Белов Е.А. Предварительные замечания к истории царя Иоанна Васильевича Грозного // ЖМНП. СПб, 1891. Ч. 273. Февраль. С. 343, 349, 369.
- ⁸ Ясинский А.Н. Сочинения князя Курбского как исторический материал. Киев, 1889. С. 101-107. Позднее делались уточнения о памфлетных и мемуарных элементах, тенденциозности «истории», но парадокс «историографического памятника», сохранялся. Таковым он представлен у В.О. Ключевского. Несколько противореча собственным выводам и лишая смысла упреки В.С. Иконникова, К.Н. Бестужев-Рюмин называет Курбского историком (Бестужев-Рюмин К.Н. Русская история. СПб, Т. 2. Вып. 1. С. 255). М.Н. Покровский называет Курбского «первым по времени историком царя Ивана Васильевича», хотя в интерпретации трактата применяет методы С.Ф. Платонова и И.Н. Жданова, выступавших с «памфлетными» гипотезами (Покровский М.Н. Избранные произведения. Кн.1: Русская история с древнейших времен (тома I и II). М., 1966. С. 255). И.У. Будовниц пишет, что «история» – «это, собственно, история России за определенный отрезок времени», хотя затем отстаивает точку зрения К.Н. Бестужева-Рюмина о ее мемуарности (Будовниц И.У. Иван Грозный в русской исторической литературе // Изд. 1947. № 21. С. 272-274, 275). Отмечая, что «Курбский [в «Истории»] не менее субъективен, чем Грозный», А.А. Зимин, тем не менее, начинает историографический очерк «Реформ» с концепций Грозного и Курбского, даже не упоминая последнего в обзоре источников (Зимин А.А. реформы Ивана Грозного. Очерки социально-экономической и политической истории России середины XVI в. М., 1960. С. 323-324, 7-8, 52-62). Тот же прием присутствует в «Опричнине»: вновь дискуссии о времени Грозного водятся к полемике царя с эмигрантом: их опеки «на долгое время» определили направление историографических споров» (Он же. Опричнина Ивана Грозного. М., 1964. С. 7-10. Само понимание прагматизма заметно менялось. Если для Н.Г. Устрялова прагматичная история - это опыт соединения исторического материала с насущными проблемами историка и его государства, поиск отве-

- тов и разрешения этих проблем, – то после А.Н. Ясинского принято тематическое единство «Истории» рассматривать почти как методологическое. От такого отождествления сильнее всего пострадала историографическая курбская на. Трактат стал оцениваться в одном ряду с новоевропейскими историческими нарративами: поскольку всякая (тем более, прагматическая) интерпретация сознательна и тенденциозна, «История» неосновательно подвергалась суровой критике как историографический опыт или как мемуарный отчет уподоблялась запискам иностранцев.
- ⁹ Зимин А. А. Когда Курбский написал «Историю о великом князе Московском»? / ТОДРЛ. М.; Л., 1962. Т. 18. С. 305-308; Рыков Ю.Д. «История о Великом князе Московском» А.М. Курбского как источник по истории опричнины. ДКИН. М., 1972 [машинопись в РГГУ, шифр: 9(47)/Р-94]. С. 17, 28-29, 106-107, 261-262.
- ¹⁰ Шмидт С.О. К изучению «Истории» князя Курбского: (О поучении попа Сильвестра) // Славяне и Русь. М., 1968. С. 367; Он же. К истории переписки Курбского и Ивана Грозного // Культурное наследие Древней Руси: [Сб. К 70-летию Д.С. Лихачева]. М., 1976. С. 147-151.
- ¹¹ Уваров К.А. Князь А.М. Курбский – писатель: («История о великом князе Московском»). ДКФН. М., 1973 [машинопись в РГБ, шифр: ДК 73-10/322]. С. 97-101, 141-143.
- ¹² Auerbach I. Gedanken zur Entstehung von A.M. Kurbskijs Istorija o velikom knjaze Moskovskom II Canadian and American Slavic Studies. 1979. Vol. 13. № 1-2. S. 166-171; eadem. Der «Novyj Margarit» und Kurbskijs Auseinandersetzung mit Ivan Groznyj // Kurbskij A.M. Novyj Margarit: Historisch-kritische Ausgabe auf der Grundlage der Wolfenbütteleer Handschrift / Herausgegeben von Inge Auerbach. (Bausteine zur Geschichte der Literatur bei den Slawen.) Giessen, 1990 [=NM]. Bd. 4. Lfg. 17. S. 127-155.
- ¹³ Елисеев С. А. О некоторых особенностях философско-исторических взглядов Курбского // Вестник МГУ. Серия 8. 1983. № 3. С. 68-77.
- ¹⁴ Freydank D. A.M. Kurbskij und die Theorie der antiken Historiographie // Orbis mediaevalis. Festgabe für Anton Blaschka zum 75. Geburtstag am 7. Oktober 1967. Weimar, 1970. S. 57-61, 67-68, 70, 73.
- ¹⁵ Это убедительно доказывается как названием жития св. Николая Мирликийского в редакции Симеона Метафраста «историей», так и житийными аллюзиями и стилистическими приемами в «истории новоизбиенных мучеников».
- ¹⁶ Обозначаем мартирологи княжеский, боярско-дворянский и священикомучеников М1-3. Ниже цитируем: Курбский А.М. История о великом князе московском. (Извлечено из «Сочинений князя Курбского»). СПб, 1913 [=История]. Стб. 8/9-10, 13/24, 121/25, 121/31/5, 169/20 и др.
- ¹⁷ Там же. Стб. 1/1, 33/17, 67/6, 85/34, 98/5, 114/21, 168/5, 170/19, 186/19, 187/5.
- ¹⁸ Там же. Стб. 4/7, 85/12, 135/4, 135/24, 144/9.
- ¹⁹ Freydank D. Ibid. S. 60-66, 70-73.
- ²⁰ Уваров К.А. Князь А.М. Курбский – писатель... С. 97-148.
- ²¹ Freydank D. A.M. Kurbskij und die Epistolographie seiner Zeit // Zeitschrift für Slawistik. Berlin, 1976. Bd. XXI. H.3. S. 320-322.
- ²² История. Стб. 2/19, 8/10, 13/34/7, 31/29, 33/18, 106/18, 115/16, 115/19, 121/36, 126/8, 138/2, 144/20, 149/3, 180/23.
- ²³ Уваров К.А. Курбский – писатель. С. 101.
- ²⁴ Freydank D. A.M. Kurbski und die Epistolographie... S. 323ff.
- ²⁵ История. Стб. 33/16-19.
- ²⁶ NM. В 1.4.
- ²⁷ РИБ-31. Стб. 275/11-16; ОРГИМ. Уваров-301. Л. 78 об.
- ²⁸ История. Стб. 149/4-5
- ²⁹ NM. В1.151v-152.
- ³⁰ ПИГАК. С. 102.
- ³¹ История. Стб. 1/23-24, 2/18-21, 8/9-10, 10/10-11, 13/23-24, 26/32, 31/27, 33/16-17, 74/38-39, 90/12-18, 114/28-29, 161/20-21, 183/26, 186/17-19, 189/17.
- ³² Auerbach I. Russische intellektuelle im 16. Jahrhundert. Andrej Michajlovič Kurbskij und sein Kreis // Kurbskij A.M. Novyj Margarit. Historisch-kritische Ausgabe auf der Grundlage der Wolfenbütteleer Handschrift. Giessen, 1990. Bd. 4. Lief. 17. S. 178.
- ³³ NM. В 1. 3 v. Amn.b, 417 v. Amn.b.
- ³⁴ Понятие для А.М. Курбского более широкое, чем синодники: История. Стб. 90/18-26, 114/30-31, 149/7-8; Prince A.M. Kurbsky's History of Ivan IV / Ed. with a transl. and notes by J.L.T. Fennell. Cambridge, 1965 [=History]. P. 78, 138-140, 172, 192, 230, 294; NM В1.435. См.: Лук. X.20; Фил. IV.3; Отк. III.5; V.1-10; VI; XVII.8; XX. 12-15; XXI.27. Князь Андрей оставляет все, что мог случайно забыть, «[наи]лпешей» памяти «острозорительных в разуме» москвитов (История. Стб. 115/10-11, 115/34-116/2; ОР ГИМ. Увар-301. Л. 78об., 79). Редкий из них мог бы удостоиться подобного качества, если им наделены предстатели перед престолом Господним, «имуши очи духовные острозорительнее паче с высоты, нежели богатый во аде» (Стб. 49/2-4, 183/20-23; ОР ГИМ. Увар-301. Л. 33-33 об.). Оставшиеся в царстве как бы уподобляются небесным свидетелям «сердцевидцам».
- ³⁵ История. Стб. 90/24-26; ОР ГИМ. Увар-301. Л.62; Лук. XII.7; Матф. X.30.
- ³⁶ Так, отказ описать четыре встречи с дерптской делегацией. в ходе которых было выработано постановление об условиях капитуляции города (История. Стб. 74/35-39), может быть объяснено ограничением задачи, высказанным позднее: автор «мало» вспоминает «о битвах некоторых и взятю градов оных» (там же, 85/31-33).
- ³⁷ История. Стб. 1/18, 186/22-29.
- ³⁸ Калугин В.В. Царь Иван Грозный: стили художественного мышления // Культура средневековой Москвы. М., 1995. С. 199-200.
- ³⁹ Eismann W. O silogizme vytolkovano: Eine Übersetzung des Fürsten Andrej M. Kurbskij aus den Erotemata Trivii Johann Spangenberg's. Wiesbaden, 1972. (Monumenta Linguae Slavicae Dialecti Veteris: Fontes et Dissertationes. Bd. 9.) [=MLS-9]. S. 80; Die Dogmatik des Johannes von Damaskus in der Übersetzung des Fürsten Andrej M. Kurbskij (1528-1583) / Hrg. von Juliane Besters-Dilger unter Mitarbeit von Eckhard Weiher, Felix Keller und Heinz Miklas. Freiburg, 1995. (Monumenta Linguae Slavicae Dialecti Veteris: Fontes et Dissertationes. T. 35) [=MLS-35]. S. XXXVII.
- ⁴⁰ Так он употребляется в ИВКМ: «аки же третина войска всего, або мало болши» (История. Стб. 34/5-6, 118/12, 148/20-21).
- ⁴¹ NM. В1.422v.
- ⁴² ОР ГИМ. Син-219. Л. 338 об.-355; Калугин В.В. Андрей Курбский и Иван Грозный. С. 307-308.
- ⁴³ MLS-35. В1.79b/22-23.
- ⁴⁴ Сочинения князя А.М. Курбского: Сочинения переводные / Подгот. Г.З. Кунце-вич. Пг., 1923. Т. 2. Верстка // АСПБФИРИ РАН. Ф. 276. Оп. 1. № 30. Стб. 48. Прим. 7.
- ⁴⁵ Калугин В.В. Андрей Курбский и Иван Грозный: (Теоретические взгляды и литературная техника древнерусского писателя). М., 1998. С. 291. Прим. 4.
- ⁴⁶ История. Стб. 4/4-10.
- ⁴⁷ Творогов О.В. Древнерусские хронографы. Л., 1975. С. 8.
- ⁴⁸ ПСРЛ. М., 1949. Т. 25. С. 396 (с. 712-713), 284 (л. 397); СПб, 1913. Т. 18. С. 224-225 (л. 457 об. -458 об.); М.; Л., 1959. Т. 26. С. 229-230 (л. 387 об.-388); М., 1965. Т. 12. С. 124-125; РЛ. Рязань, 1998. Т. 3. С. 213.

⁴⁹ М.Н. Тихомиров высказал предположение о том, что казанское сказание писано как отдельная повесть (Тихомиров М.Н. Источниковедение истории СССР. М., 1962. С. 291). Возможно, повесть с тем, «яко тамо под градом на кождый день деялось» (История. Стб. 31/27-29), была под рукой у Курбского при составлении и доработке трактата. Против вероятности существования подготовительных материалов высказывались Р.Г. Скрытников и Л.П. Малаховская (Малаховская Л.П. «Покорение Казани» А.М. Курбского как исторический источник // Вопросы истории СССР и всеобщей истории. Л., 1971. С. 58-60). На возможность использования Курбским предварительных записок указывал еще В.С. Иконников, связавший окружение составителей Псковской летописи с автором «Истории». Историк предположил, что части сочинения князя Андрея, «б[ыть] м[ожет], писались раньше». Ссылки Царского архива (ящик 223) на «списки черные [...]», что писаны в Летописец лет новых, которые у Олексея [Адашева] взяты», и Курбского на «летописную Русскую книгу» В.С. Иконников рассматривает как единый аргумент в пользу причастности воевод к летописанию. Из предположения о том, что Курбский был очевидцем для летописи, собиравшейся Адашевым, следует, что письменно или устно он должен был ему сообщить свои воспоминания - эти материалы могли храниться в Юрьеве, а с другой стороны, стать основой для «повести о Казанском взятии» (Иконников В.С. Опыт... Т. 2. Кн. 1. С. 832-833. Прим. 1-4. Кн. 2. С. 1178. Прим. 8; 1237, 1824). Н.П. Лихачев высказал мысль, что последние листы третьей части списка Оболенского Никоновской летописи «кистрепаны и пооборвались», находясь у Адашева в походе 1560 г. и будучи тогда еще «списками черными», Б.М. Клосс, изучив характер помет на л. 991-1165 того же списка, пришел к выводу, что одним из их составителей (как и «Летописца начала царства») был А.Ф. Адашев (Клосс Б.М. Никоновский свод и русские летописи XVI-XVII веков. М., 1980. С. 197-199). Причастность окольничего к составлению названного летописца и маргиналий оспорена А.И. Филюшкиным, который, вслед за Д.Н. Алшицем, считает его не более чем «военным корреспондентом» во время ливонского похода (Филюшкин А.И. История одной мистификации: Иван Грозный и «Избранная Рада». М., 1998. С. 300-303). Какая бы гипотеза ни оправдалась, спор не лишает оснований предположение В.С. Иконникова о причастности Курбского к летописному делу.

⁵⁰ NM.VI.445.

⁵¹ Ibid. VI.207v. - *выд. мной.* - К.Е.

⁵² Калугин В.В. Андрей Курбский и Иван Грозный. С. 167-169.

⁵³ MLS-35. VI.50b/II, 79b/23, 138b/25. «Энкомий Симеону Метафрасту» Михаила Пселла в переводе Курбского и его сотрудников (в Син-219), по наблюдениям В.В. Калугина и Л.И. Щеголевой, содержит слово «повесть» только для паггatio и sententio (Калугин В.В. Андрей Курбский и Иван Грозный. С.332). Репрезентативность «похвалы» для выяснения интересующего нас вопроса уточнится после полного обследования языка агиографического свода.

⁵⁴ ОР ГИМ. Увар-301. Л. 222-231; ОРК ЦНБ ХГУ. № 168/с. Л. 227-236.

⁵⁵ ОР ГИМ. Син-219. Л. 155-155 об., 337-338 об.

⁵⁶ История. Стб. 33/18, 121/35-36, 153/10-11. Московский летописный свод использовался и в полемике А.М. Курбского с Иваном Грозным. - См.: Halperin C.H. Edward Keenan and the Kurbskii-Grozuj Correspondence in Hindsight // JfGO. 1998. Bd. 46. P. 386, 388.

⁵⁷ NM.VI.431v.

⁵⁸ MM. VI.39v; ОР ГИМ. Син-219. Л. 42.

⁵⁹ История. Стб. 85/11-15.

⁶⁰ Обе цели совмещаются в отступлении о поляках и лютеранах (История. Стб. 81/6-85/29), кото рое автор и сам называет «повестью» (там же. Стб. 85/26-27). Мне представляется, что эта повесть вставлена в текст «о лифлянской войне» одновременно с историей подчинения Астрахани. Извлечение морали, с нео-

жиданным стихотворным (ритмизованным) продолжением темы избранного совета, из сюжетов о священной войне с неверными и разврате непричастности к ней прибалтийцев и поляков отвлекает читателя на некоторое время от батальных сцен и сопровождается предупреждением о близости «истории» к концу (там же. Стб. 85/33-34). Здесь «история» - а это ливонская повесть.

⁶¹ Д. Фрайданк и вслед за ним В.В. Калугин сопоставляют программное размышление князя Андрея о нравоучительных задачах историй с античными образцами историописания. В.В. Калугин находит аналогичные мотивы и в древнерусской литературе (Калугин В.В. Андрей Курбский и Иван Грозный. С. 166-167). Отметим, во-первых, что Курбский продолжает размышление, ссылаясь на главный источник - Псалтирь (Пс. XI, LXII, LXVII). Во-вторых, автор указывает, в каком смысле его собственный труд может восприниматься как история. История - это рассказы об «исправлениях» «великих мужей», написанные «от мудрых людей» (История. Стб. 114/15 и сл.). Рассказ о каждом положительном и отрицательном герое подпадает под данную характеристику. Поэтому, думаю, житийный элемент трактата (рассказ о царе) не устраняет значения частных повестей как отдельных историй. ⁶²NM.VI.128v.

⁶³ ПГОИАХМЗ. Ф. Псково-Печерского монастыря. № 15. Л. 6 об.

⁶⁴ Там же. Л. 7.

⁶⁵ Словарь древнерусского языка (XI-XIV вв.) в 10-ти томах. М., 1991. Т. 4. С. 279.

⁶⁶ История. Стб. 1.

⁶⁷ Там же. Стб. 2/14, 3/25-26, 7/6-7, 9/13-14, 51/33, 53/34, 95/30-31, 163/5-7, 187/13-15, 191/8-10.

⁶⁸ Ерусалимский К.Ю. Андрей Курбский и Иван Грозный: борьба филологин (по поводу работ В.В. Калугина) // Russia Mediaevalis (в печати).

⁶⁹ Ambrosii Calepini Dictionarium... Lutetiae. 1570. P. 487.

⁷⁰ История. Стб. 1/1-5, 34/27-29, 42/27-31, 113/15-16, 140/7-8, 155/13-15, 185/8-23, 186/9-16.

⁷¹ Там же. Стб. 43/2-3, 43/19.

⁷² Dictionarium... P. 196-197. ⁷³ История. Стб. 187/5-6, 194/3-4. ⁷⁴ Dictionarium... P.75. «История. Стб. 31/27-29.

⁷⁶ Там же. Стб. 24/18, 31/30, 33/30-31, 42/21, 85/33-35, 95/6-8, 97/26, 114/28-30, 115/27 - 116/2, 134/14, 134/22, 135/4, 168/4-7, 171/3, 183/28, 186/25-26.

⁷⁷ Там же. Стб. 5/33 - 6/1, другие подобные случаи: 99/14, 113/1-2.

⁷⁸ ПИГАК. С. 8.

⁷⁹ Там же. С. 102.

⁸⁰ Там же. С. 110.

⁸¹ История. Стб. 193/18, 194/10-13.

⁸² Там же. Стб. 47/23-25.

⁸³ Там же. Стб. 10/11-13.

⁸⁴ Там же. Стб. 24/35-37.

⁸⁵ Там же. Стб. 115/31-33, 186/19-22.

⁸⁶ Там же. Стб. 183/12-15.

⁸⁷ Там же. Стб. 93/1-3; ОР ГИМ. Увар-301. Л. 63 об.

⁸⁸ История. Стб. 102/27.

⁸⁹ Там же. Стб. 46/34-35.

⁹⁰ Там же. Стб. 107/19-24, 187/32 - 188/28.

⁹¹ Там же. Стб. 95/33-35.

⁹² Там же. Стб. 101/21-24.

⁹³ Там же. Стб. 118/10.

⁹⁴ Там же. Стб. 120/22-23.

⁹⁵ Там же. Стб. 120/33-34.

⁹⁶ Там же. Стб. 48/9-12, 48/26, 49/26, 50/33-35, 58/1.

⁹⁷ Там же. Стб. 49/8-12.

⁹⁸ Там же. Стб. 52/6, 101/30, 102/1, 104/21-23, 176/14, 178/33.

- ⁹⁹ Цицерон. Эстетика: Трактаты, речи, письма. М., 1994. С. 53.
- ¹⁰⁰ История. Стб. 52/16.
- ¹⁰¹ ОР РГБ. Тихонравов-639. Л. 492 об.; ОР ГИМ. Увар-301. Л. 37; Харьк-168. Л. 39; История. Стб. 54/1.
- ¹⁰² История. Стб. 56/21-22, 81/3-5.
- ¹⁰³ Там же. Стб. 50/16-23.
- ¹⁰⁴ Там же. Стб. 52/4.
- ¹⁰⁵ Сочинения князя Курбского / Под ред. Г.З. Кунцевича. Т. 1 // РИБ, изд. Имп. Археогр. Комисс. СПб. 1914. Т. 31 [=РИБ-31]. Стб. 165/19, 288/3, 324/7; Калугин В.В. Андрей Курбский и Иван Грозный. С. 63.
- ¹⁰⁶ История. Стб. 113/34-36; ОР РГБ. Тихонравов-639. Л. 520 об.; Королевская библиотека в Копенгагене. № 327. Л. 52 об.
- ¹⁰⁷ Курбский А.М. Переписка с Иваном Грозным. История о великом князе Московском // Перевод с древнерусского, статьи и комментарии В. А. Панова. Редакция и вступительная статья В.И. Лебедева // РГАЛИ. Ф. 629 («Academia»). Оп. 1. Д. 996. Л. 17-18.
- ¹⁰⁸ MLS-9. S. 72-76, 80; MLS-35. S. XXXIV; Курбский А.М. Письма князя А.М. Курбского к разным лицам: (Извлечено из «Сочинений князя Курбского»), СПб, 1913. Стб. 65/12-23. Требование «оброняти правду» приводится в письме К. Мамоничу с антикатолическим подтекстом. «История» наглядно демонстрировала в запланированном сборнике эти персональные намерения автора.
- ¹⁰⁹ Tazbir J. Rola zywego slowa w polskiej propagandzie wyznaniowej // Kwartalnik Historyczny. 1980. T. 87. Zesz. 2. S. 291-309.
- ¹¹⁰ Нельзя не отметить влияние прагматических интерпретаций на построение В.В. Калугина. Под концепцией ИВКМ исследователь понимает тему добра и зла, но с этой точки зрения представления Курбского мало чем отличаются от взглядов древнерусских книжников - перед нами не концепция, а этическая модельность. То же относится и к «значительным» параллелям между «Историей» и главой «Об Антихристе» «Богословия» Иоанна Дамаскина. Традиции «Откровения» Иоанна Богослова были прекрасным источником для многочисленных других более или менее современных Курбскому писателей, например, псковских летописцев (ср.: Калугин В.В. Андрей Курбский и Иван Грозный. С. 170-182, 204). При этом зависимость ИВКМ от «Богословия» доказуема и требует специального тщательного изучения (Auerbach I. Kurbskij-Groznij Aporogrypha und kein Ende? // JfGO. 1999. Bd. 47. H. 3. S. 402-404).